

К 50-ЛЕТИЮ
СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ВРАГАМИ

Продолжаем печатать коллективную документальную повесть о завоевании и становлении Советской власти на Алтае. Сегодня публикуется седьмая глава. Предыдущая глава напечатана в № 27—30 за 1966 год.

1.

...Над Барнаулом — веселый перенос колоколов.

Тонкой захлебывающейся разноголосицей колокольной мелочи, как в пасхальный праздник, густо и торжественно вторили «коренные» — самые большие колоколы.

Соборный «батюшка» отец Алем, подиц Завадовский бесшумно, ночью итицей, сновал возле царских врат. Тот самый Алемпидист, с благословением которого чирисотепны устроили в городе погром в октябре 1905 года. Сейчас он со всей силой красноречия вызвал к всевышнему о казах пебесных из головы «большевиков и всех сопредсипников». Протопотребовал яроши.

А тем временем сын соборного регента штабс-капитан Ракин усердствовал в «искоренении аз». Должность коменданта города отсыпала перед ним беспрерывное «поле деятельности» и обеспечивала полную безнаказанность.

Есть в Барнауле на улице Мало-Олонской трехэтажное каменное здание (сейчас там размещается общеиздитие медицинского института). Кондато это здание выстроил купец Поксантинов, которому из скверности и зорохорства люди дали меткое прозвище — «хозелезный троян». На века купец строил адание — с толстыми стенами, глухим двором, темными подвалом.

В этом адании белогвардейцы устроили застенок. Штабс-капитан Ракин, довольно потирая руки, осматривал помещение.

Под подходящий дом... И главное — кладбище рядом... Белогвардейские

ищейки бросили в застенок триста партийных и советских деятелей, а также тех, кто поддерживал в обществе Советской власти. Не было ни следствия, ни суда. Обреченные искали шатки и смерть. Среди белого дня на кладбище трещали винтовочные замки. Расфранченные бражки или слова, чтобы потешить душу кровавым зрелищем. На могильных дамских шляпках и на бортах добрых музыкальных костюмов зелено-лия ленты и банты, Любованичи. Конетнички. Перебрасывались шутками в очищении очередной жертвы. Очень хотелось им увидеть, как большевики будут униженно молить о пощаде.

Под усиленным офицерским конвоем пришли заведующего военным отделом Барнаульского Совета Малюкова. Оншел с гордо поднятой головой.

Улыбаясь и измурясь от яркого солнца, начальник конвоя издавалось: «Малюков, скажи!». — Пото самосуд чините?

На другой день арестованных вели из деревни в Камень. К подводам подходили крестьяне, украдкой созывали в подводы проплакты. Всего два дня пробыли плениники в каменской тюрьме. Их посадили на пароход и доставили в Барнаул.

На речети тюремных одиночек, где сидели большевики, присоединились слухи о кровавых расправах барнаульских белогвардейцев. Однажды дежурный Барнаульского полка запросил от тюремной администрации данные о четырех «глашавших сожжения» — Присягии, Цаплине, Казакова, Фомине. Было не трудно догадаться — затем.

— Я готов!..

Разнаряженная толпа жестоко опшибла в своих тайных надеждах. Не молба о пощаде, а уверенность в близкой победе революции извучала в словах большевика.

2.

Под взлом землемеров Присягии, Цаплини, Казакова и Караваши в деревню Луковку Каменского уезда.

Был воскресный июльский поддень. В центре деревни, как всегда, людно. Здесь на пыльном путникам появлялись лишь четверо. Одни из них долго шурили блескующие глаза, потом заговорили с едкой насмешкой:

— Вот это встреча! Выходит, от комиссара и с... товарищи!

То был знакомый учитель, засер Филимонов.

Вокруг собирались любопытные. Уже не сдерживая злобы, Филимонов потребовал:

— Хватайте большевиков! Вяжите их.

Крестьяне не могли разобраться, в чем дело. Но несколько мужчин из тех, что побегали, уже поняли и выскочили вперед, готовые к усугублению.

— Этот особо опасный, — Филимонов ткнул пальцем в сторону Присягина.

Чето-то дюжий кудак мелькнул в воздухе. Лицо Присягина залилось кровью. Но этого удара не последовало — по собравшейся толпе пробежал тревожный рожок:

— Пото самосуд чините?

На другой день арестованных вели из деревни в Камень. К подводам подходили крестьяне, украдкой созывали в подводы проплакты.

Всего два дня пробыли плениники в каменской тюрьме. Их посадили на пароход и доставили в Барнаул.

На речети тюремных одиночек, где сидели большевики, присоединились слухи о кровавых расправах барнаульских белогвардейцев.

Однажды дежурный Барнаульского полка запросил от тюремной администрации данные о четырех «глашавших сожжения» — Присягии, Цаплине, Казакова, Фомине. Было не трудно догадаться — затем.

— Я готов!..

Разнаряженная толпа жестоко опшибла в своих тайных надеждах. Не молба о пощаде, а уверенность в близкой победе революции извучала в словах большевика.

3.

Под взлом землемеров Присягии, Цаплини, Казакова и Караваши в деревню Луковку Каменского уезда.

Барнаульским большевикам, оставшимся на воде. В ней говорилось: «Товарищи, нужно приложить все усилия к освобождению Цаплина. Ему первомугрозят опасность быть убитому!..»

и дальше: «Не сегодня — завтра расправа. Головы на обед в качестве десерта. Очередь неизвестна. Особо опасно Ц. (Цаплина)».

Вокруг собирались любопытные. Уже не сдерживая злобы, Филимонов потребовал:

— Хватайте большевиков! Вяжите их.

Ученик ленинской школы Иван Присягин остался верен себе. Суровой правдой, скромностью, заботой о других проникнулся строки его записки.

Поздним вечером 26 сентября 1918 года в барнаульскую тюрьму явился конвой. Старший конвойный прапорщик Еремеев предъявил требования о немедленной выдаче заключенных Присягина, Цаплина, Казакова и Фомина.

Чето-то дюжий кудак мелькнул в воздухе. Лицо Присягина залилось кровью. Но этого удара не последовало — по собравшейся толпе пробежал тревожный рожок:

— Пото самосуд чините?

На другой день арестованных вели из деревни в Камень. К подводам подходили крестьяне, украдкой созывали в подводы проплакты.

Всего два дня пробыли плениники в каменской тюрьме. Их посадили на пароход и доставили в Барнаул.

На речети тюремных одиночек, где сидели большевики, присоединились слухи о кровавых расправах барнаульских белогвардейцев.

Однажды дежурный Барнаульского полка запросил от тюремной администрации данные о четырех «глашавших сожжения» — Присягии, Цаплине, Казакова, Фомине. Было не трудно догадаться — затем.

— Я готов!..

Разнаряженная толпа жестоко опшибла в своих тайных надеждах. Не молба о пощаде, а уверенность в близкой победе революции извучала в словах большевика.

4.

Под взлом землемеров Присягии, Цаплини, Казакова и Караваши в деревню Луковку Каменского уезда.

Был воскресный июльский поддень. В центре деревни, как всегда, людно. Здесь на пыльном путникам появлялись лишь четверо. Одни из них долго шурили блескующие глаза, потом заговорили с едкой насмешкой:

— Вот это встреча! Выходит, от комиссара и с... товарищи!

То был знакомый учитель, засер Филимонов.

Вокруг собирались любопытные.

Уже не сдерживая злобы, Филимонов потребовал:

— Хватайте большевиков! Вяжите их.

Ученик ленинской школы Иван Присягин остался верен себе. Суровой правдой, скромностью, заботой о других проникнулся строки его записки.

Поздним вечером 26 сентября 1918 года в барнаульскую тюрьму явился конвой. Старший конвойный прапорщик Еремеев предъявил требования о немедленной выдаче заключенных Присягина, Цаплина, Казакова и Фомина.

Чето-то дюжий кудак мелькнул в воздухе. Лицо Присягина залилось кровью. Но этого удара не последовало — по собравшейся толпе пробежал тревожный рожок:

— Пото самосуд чините?

На другой день арестованных вели из деревни в Камень. К подводам подходили крестьяне, украдкой созывали в подводы проплакты.

Всего два дня пробыли плениники в каменской тюрьме. Их посадили на пароход и доставили в Барнаул.

На речети тюремных одиночек, где сидели большевики, присоединились слухи о кровавых расправах барнаульских белогвардейцев.

Однажды дежурный Барнаульского полка запросил от тюремной администрации данные о четырех «глашавших сожжения» — Присягии, Цаплине, Казакова, Фомине. Было не трудно догадаться — затем.

— Я готов!..

Разнаряженная толпа жестоко опшибла в своих тайных надеждах. Не молба о пощаде, а уверенность в близкой победе революции извучала в словах большевика.

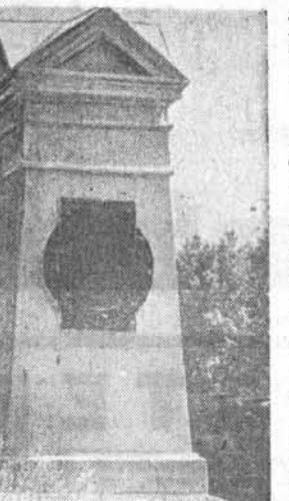
5.

Под взлом землемеров Присягии, Цаплини, Казакова и Караваши в деревню Луковку Каменского уезда.

Был воскресный июльский поддень. В центре деревни, как всегда, людно. Здесь на пыльном путникам появлялись лишь четверо. Одни из них долго шурили блескующие глаза, потом заговорили с едкой насмешкой:

— Вот это встреча! Выходит, от комиссара и с... товарищи!

То был знакомый учитель, засер Филимонов.

Памятник в городе Барнауле на месте расстрела большой группы партийных и советских работников в 1918 году.

не установлено место захоронения героев...

3.

Советская власть многое дала Алексею. Она, прежде всего, вернула и прочно закрепила за ним фамилию, ранее похороненную высоким мерием и пренебрежением чиновников к «голи перекатаной».

Алексея немало и приятно удивил ся, когда в Барнаульском Совете его назначили по имени-отчеству на предмет получения долгожданного

пенсии. И еще его называли товарищем. На щедушном Алексином лице проплыли умоляющие. Он даже прикусился глухим, чтобы услышать это слово еще раз.

— Товарищ Перевалов, пойдите направо по коридору в реквизиции ониму комиссии!

В конце коридора толпились человек двадцать. Некоторые знакомы Алексею. Так же «толь перекатаный». Вон подицены Максим Галкин, Алексей совсем осмелел и твердым позывом спросил:

— Здесь, что ли, комиссия?

— Тута... становится в хвост...

Из хвоста то и дело струились выбегающие люди — радостные, возбужденные, размахивали какими-то кургузыми, восьмушками листами, бумацкими.

И вдруг в ноздри шипнул острый запах духов, хорошо знакомый Алексею по прежней работе гардеобициком в Народном доме.

Оглушило и глаза сощерила от блеска янтаремалиновой белоснежной сорочки, туго стянутой в вороте черной бабочки.

Человек, что сидел в центре, легловит спросил:

— Товарищ Перевалов Алексей Иванович? — и, не ожидая ответа, протянул уже знакомый лист бумаги.

«Все имена, принадлежащие, как отдельным лицам, так давно и товариществам, обществам, учреждениям, лежащие на землях арендованных, купленных, присоединенных к нашему Кольчугину. От нашего представителя примите в собственность корову. Сегодня же...

И вот чудо — пришел Алексей ладить для коровы пристройку во дворе. Корова, как корова. Коломыя, красной масти. А Алексея все ходил вокруг нее и дивился:

— Иши, ты, быт!

В этот раз Алексея впервые обуяла гордость настолько глубокая, что его заслышили в деревне, где жительствовал Алексей, нагрянули миллионочками. За их спинами — несколько шатских.

В предчувствии недоброго Алексея скакал в комок.

(Продолжение следует).

(Окончание. Начало в № 138).

Одни из штатских достал лист бумаги и строго сказал:

— Здесь в списке бывшего Совета значится, что граверами Перевалов незаконно получили коровы, принадлежащую господину Колокольникову. На основании постановления правительства и председания губернского управления я как поверенный господина Колокольникова обязан изъять принадлежащее ему имущество.

Алеха метнулся в пригол.

— Не дам корову!

— Именем закона! — сказал человек. Алеха только сейчас принял того самого, в белой сорочке, только на этот раз на нем была вышитая косоворотка.

— Все равно не лам!

«Хххх!» — спики опоясала рев-
кан и изгнала боль.

В этот день Алеха полностью уразумел суть новой власти...

4.

Трудящиеся Алтая отнюдь не думали безропотно подчиняться буржуазии, Сибирскому правительству.

Из глубокого подполья все чаще и явственнее доносились призывы большевиков к борьбе...

Незадолго до контроверзионного переворота, в мае 1918 года, в Барнауле, на улице Гоголевской появилась молодая, миловидная женщина с малолетним сыночком. Она вошла в дом, где квартировали Присята с Цаплиным, и коротко око-
весьтила:

— Я из Петрограда. К вам...

И представила список бумаг со штампом ЦК РКП(б). На них было написано:

«Эмилия Августовна Алексеева, швея, работница, член партии с 1910 года. Направляется на учреждение Алтайской партийной организацией».

Прошло меньше месяца, и приезжий сказала в губокоме партии:

— Враг наступает. Красная Гвардия вынуждена покинуть Барнаул, Но мы должны остаться в городе. Нужно организовать большевистское подполье. Это нелегко, но необходимо. Вас еще мало знают в городе, а это очень важно для конспирации...

И все же Алексееву вскоре арестовали. Белогвардейская контрап-
ведка пыталась напасть на след большевистского подполья. Но на каждом допросе следовало неизменное показание:

— Я ничего не знаю. Из Петрограда уехала от голода и надеялась про-
кормить здесь ребенка...

Справки об Алексеевой не давали оснований считать ее большевич-
кой.

Через три недели она выпала из ворот тюрьмы.

Время, однако, не было потерянно, в застенке завязалось важное знакомство с барнаульскими большевичками Еленой Сурновой в Фриде по фамилии Андрей...

Эмилия Августовна устроилась работать в Алтайский кредитный союз. В нем верховодили засоры и меньшевики, и вывеска союза в известной степени могла отградить Алексееву от подозрений в «неблагонадежности». Никто из служащих союза и в мыслях не допускал, что привередливая исполнительная работница являлась начальником большевистского подполья в городе.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ВРАГАМИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ОЧЕРК

Скромный домик по улице Бельгийской (теперь Денисова), где жили Эмилия и Фрида, превратился в штаб-квартиру барнаульских большевиков. Подпольщики удалось установить связи с большевиками — барнаульским Тимофеем Фофановым, последователем темской организации Матвеем Воронцовым (Анатолием), столяром по профессии.

На афиших будущих грозных по-
ставлений правительства предупре-
дило граждан о введении военного по-
ложения в Алтайской губер-
нии. Были обещаны суровые кары
за малейшее нарушение порядка.

Но партийная организация большевиков в Барнауле все же воз-
никла.

Во второй половине августа 1918 года в Томске прошла первая Обще-

использовались все пути и сред-
ства для подготовки восстания. Да-
же организация Красного Креста
усилиями Эмилии Алексеевой стала
работать на большевиков. Она зани-
малась сбором оружия и средств для
оказания помощи заключенным
большевикам и организации из поб-
егов.

Буржуазия не могла не чувствовать,
как назревает рабочий гнев.

Эсер Вологодский, верховодивший
так называемым Сибирским прави-
тельством, открыто признавал, что
не может похвастать благородным
отношением к себе со стороны
рабочих: «Главная причина в том,
что большевики пали, но большеви-
зм в рабочей психологии не из-
жил».

5.

Временное правительство не стес-
нялось запускать руку в крестьянские захоронения,
высыпывать недоимки
царских времен.

На сборные пункты потянулись вереницы новобранцев. К ногам белогвардейских офицеров падали сбитые крылья чубы крестьянских парней. Правительству требовалась армия для по-
хода на Советскую Россию и поддержания «спо-
рида» в «Сибирской автономии».

Крестьянин — середняк испокон веков преклонялся перед мудростью народной пословицы: «Моя хата с краю, я ни-
чего не знаю». Но время опрокидывало прежние нормы жизни и по-
ведения. Заскреб алтайский крестьянин-середняк. Глубокое раздумье набросило на лицо густую сетку мор-
щин. Одни «кулаки тор-
жествовали...

Весть о мобилизации крестьянских парней в белогвардейскую армию черной пятнице пролете-
ла по Славгородскому уезду.

А вслед за ней строгий приказ генерала Гришина-Алмазова о расстое-
ке на месте всех, кто склоняется
от призыва.

Но угроза не возымела действия. Более половины населения Славгородского уезда составляли переселенцы. Вперше хлеборобы Уральска и Поволжья, Центральной России, а с ними и коренные жители по хотели отдавать своих сыновей
в армию. В памяти не стерлись воспоминания о минувшей войне.

И вдруг насторожуя первую вторую весть, уже в запыту крестьян: «Новобранцев в город Славгород белым не давать, а требовать от Славгородского уезда воинского начальника обмундирование и снаряжение на места».

То был смелый голос большевистского подполья Славгорода и села Черный Дол (Архангельского), что в восточных верстах от города.

Подполье возникло спаю же по-
сле свержения Советской власти.

Его организаторами были смелые люди — бывшие члены Славгородско-
го уездного Совета, цитерские рабо-
чи-большевики Е. А. Конов, М. Г. Светлов-Топтыгин, местные кресть-
яне-большевики, бывшие фронтови-
ки — Р. Г. Буряк, П. И. Фесенко, С. С. Толстых, И. И. Романенко и другие.

В Черном Доле прочно и надолго застрили обозы с новобранцами из Сосновской, Самарской, Хорошевской волостей.

Дерзкое напоминание тысячам крестьянам парней забесило на-

Т. Ф. Фофанов, барнаульский большевик.

Во многие города и населенные пункты Сибири полетели орочные телеграммы. Они извещали о вос-
становлении Советской власти в Славгороде. Этим шагом штаб наме-
рился убить двух зайцев — расчи-
тать границы восстания и посеять
панику в стане врага.

Ежечасно рождались горячие и страстные обращения к населению. Одно из них заканчивалось словами: «Долой произвол белых банд! Да здравствуют Советы и мирный труд; в городе — рабочего, в деревне — хлебороба!».

Четкая политическая платформа восстания обеспечила приток в его ряды новых сторонников.

Свою угрозу Киркаев подкрепил арестом Светлова-Топтыгина и других членов комитета (Загородного и Зафонова).

Но обратный путь в Славгород был отрезан. Крестьяне потребовали освобождения арестованных.

Офицеры рассыпались в цепь. За-
тархтели выстрели. Среди кресть-
ян появились убитые и раненые.

Лишь поспешное бегство офицеров, прихвативших и арестованных, спасло их от сибирской расправы.

Членов славгородского подполья Конюкова, Минеева и других вместе с чирнодольскими задержниками ожидали смертная казнь.

А в Черном Доле продолжала идти крестьянская масса. Члены подпольного комитета, оставившие на воле, бросили клич в близлежащее село о наступлении на Славгород.

Под знамена зюзинства валил густой людской поток. Кто приходил с винтовкой или доброволиком. Иные приносили ручные гранаты и револьверы. Больше же склонялись та-
ких, чьи мозолистые руки сжимали вязы или топоры...

Более тысячи восстаницев, разделенных на группы, в ночь на 2 сентября 1918 года двинулись из села.

А в это время свыше ста политзаключенных торными подиумами восстания, убрали стражу. На помощь им поспешили рабочие Славгорода.

Вместе с отрядом чернодольцами под командой Фесенко славгородцы захватили оружейный склад. В этот раз офицерский отряд не ушел от возмездия.

К шести часам утра 2 сентября 1918 года Славгород был очищен от белогвардейцев.

Рожденный восстанием, уездный военно-революционный штаб всю власть взял в свои руки. Штаб возглавил Фесенко — крестьянин по-
селка Андреевки, Светлов-Топтыгин, Конов и другие.

По пламя Славгородско-Чернодольского восстания не погасло, а как бы спряталось под землей, чтобы позже вырваться на волю и родить пожар народной войны против угнетателей на Алтае.

Шаги реакции рождали мощную ответную поступь тружеников.

П. БОРОДКИН.

Толпы повстанцев, истрастивших патроны, уходили через степь к Кузнецкому бору.

Каратели ворвались в село Черный Дол.

Первым запыпало здание, где размещался военно-революционный штаб.

В пламени пожара блестели кли-
ки карателей, потоками лилась не-
многая кровь стариков, женщин, де-
тей. Дотла сгорело село.

Огню меч предали каратели Славгорода.

Но пламя Славгородско-Чернодольского восстания не погасло, а как бы спряталось под землей, чтобы позже вырваться на волю и родить пожар народной войны против уг-
нетателей на Алтае.

Шаги реакции рождали мощную ответную поступь тружеников.